

Восемь точек на глобусе Шекспира

Неаполь

ФАНТАЗИЯ И ВЕРНОСТЬ ЖИЗНИ

ДОЛЖЕН признаться, что познакомился я с Шекспиром очень поздно. В начале своей сценической деятельности — а было это, увы, очень давно — я занимал скромное место «подмастерья» в бродячих труппах. Но именно в те годы я стал постепенно открывать для себя театр поэзии, фантазии, актерской изобретательности, жизни. Позднее я с удивлением и восторгом нашел такой театр у Шекспира. С тех пор, перечитывая его произведения, я всегда мысленно переношусь в те далекие времена, когда, играя в спектаклях, сюжет которых давался лишь в общих чертах, актеры сами должны были развить его, как того требовала «комедия дель арте».

Меня всегда очаровывали в Шекспире верность народным традициям, необычайная гибкость драматической основы, позволяющая вдумчивому актеру сливаться с об-

разом, привносить в спектакль свой мир чувств и фантазии. Иногда — особенно это относится к моим последним работам — меня критиковали за то, что я ввожу в драму элементы гротеска. Но меня утешает не только мысль, что такова правда жизни, нередко сочетающейся трагическое с комическим; и не только понимание, с которым относится к этому творческому приему публика. Главное утешение для меня — авторитет, да, именно авторитет Шекспира, великого мастера этой техники и неизменно верного правде жизни.

Мне хотелось бы еще добавить, что я знаю, как почитают в Советском Союзе Шекспира, как часто ставят его произведения. И я считаю это свидетельством высоких достоинств советского театра.

Эдуардо де ФИЛИППО

(Интервью, взятое итальянским журналистом Энцо Рава для «Литературной газеты»).

Стратфорд-на-Эвоне

ФЛАГИ 121 НАЦИИ

В АПРЕЛЕ 1664 года, в день столетней годовщины со дня рождения Шекспира, актер Дэвид Гаррикс приехал в Стратфорд, чтобы открыть первый в истории шекспировский фестиваль. Он положил начало замечательной традиции. Накануне четырехсотлетней годовщины английская пресса неустанно напоминала, что 23 апреля имеет еще одно чрезвычайно важное достоинство — это день святого Георгия, «покровителя» Англии. Что ж, лучшего подарка своей «подопечной» территории «святой патрон» не мог сделать.

...У гостиницы «Красная лошадь» — тала. Установлены флажки. Звучат фанфары, затем английский национальный гимн. Медленно поднимаются флаги ста двадцати одной страны. К церкви святой Троицы, где был крещен сын перчаточника Джона Шекспира, Вильям, и где спустя пятьдесят два года был похоронен великий английский драматург, направляется праздничная цветочная процессия. Впереди — преподаватели и ученики Стратфордской драматической школы. Когда-то ее учеником был и Вильям. За ними следует била Стратфорда в красном кафтане, должностные лица, главный судья города, лорд-мэр Бирмингема, главный режиссер Королевского шекспировского театра Питер Холл, писатели сэр Чарльз П. Сноу и его жена Памела Х. Джонсон, гости из разных стран.

В эти дни открылся новый Шекспировский центр, где представлены для обозрения редчайшие книги и подлинные документы шекспировской эпохи и две выставки. Одна из них — в Бирмингеме — была открыта мэром города и актером сэром Дональдом Вулфитом, исполнителем роли Ричарда III и Отелло. Здесь экспонируется огромный «фолио» 1623 года — первое посмертное

полное собрание сочинений Шекспира. Замечательная фотозаставка запечатлела знаменитых артистов, игравших шекспировские пьесы. Джульетта в платье времен французской Директории в исполнении Элизабет О'Нил, актер Макридан, друг Диккенса, двенадцать лет выступавший в роли Ромео. Гаррикс в той же роли, задумчивый Меркуцио — Лоуренс Оливье.

Выставка в Стратфорде как бы переносит нас в Англию эпохи королевы Елизаветы. Мрачные тяжелые баки, нависшие над входом огромного старинного дома. На стилизованной соломенной крыше — огромная перчатка. Здесь живет Джон Шекспир. Здесь прошло детство великого драматурга. Вместе с ним мы направляемся в Лондон. Старинные шпалеры, с которыми привязывали лошадей. Огромные клетки. Преступники, скованные цепью. Эшафот. По ступенькам поднимаемся на галерею театра «Глобус». Звучит прекрасный голос актера Джона Гилгуда. Это только запись, но создается полное впечатление, что где-то там, внизу, разыгрывается шекспировская трагедия.

В день юбилея в Королевском шекспировском театре Стратфорда играли «Генриха IV». Вечером Бирмингемское общество культурной связи с СССР приняло советских гостей. Перед собравшимися выступили А. Хорвац, Д. Малайя, А. Ходжаев, композитор А. Мачавариани. А в Стратфорде, над ночным Эвонем, уже засверкала праздничная иллюминация, и разбуженные светом лебеди опять пустились в свое царственное плавание по реке, навсегда прославленной великим драматургом.

М. ТГУШЕВА, специальный корреспондент «Литературной газеты» 24 апреля. (По телефону)

Владимир ФАВОРСКИЙ

ОГОНЬ НЕМЕРКНУЩИЙ

Владимир Андреевич Фаворский знает в нашей стране и за рубежом как выдающегося и мастера гравюры, книжной иллюстрации и театрального оформления. Он иллюстрировал Пушкина, Л. Толстого, Франсуа Мориака, писал декорации к постановкам Шекспира, делал гравюры и заставки к шекспировским сонетам.

Вот что рассказал Владимир Андреевич Фаворский нашему корреспонденту Гр. Анисимову о своей работе над иллюстрациями к Шекспиру.

— Чем значительнее литературное произведение, тем и легче, и труднее его иллюстрировать. С одной стороны, оно вдохновляет и подымает художника, с другой — выдвигает перед ним неимоверно трудные задачи. Трагедии Шекспира грандиозны по масштабам. Кажется, весь земной шар, все человечество втянуто в действие. Герои Шекспира любят и ненавидят, умирают и воскресают, вступают в кон-

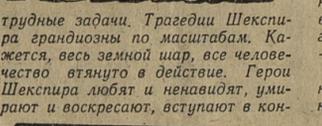

Флирт со средой или со всем окружающим миром...

Произведения Шекспира насыщены действием. Геней Шекспира каждому явлению придает значительность, оно действительно объемлет вещи в их широчайшем смысле и глубочайшем средоточии. Действие — вот язык Шекспира.

Герои Шекспира сложны и цельны одновременно. Герои Шекспира неистовы, его образы неожиданны, его шутки и метафоры великолепны. Художники к ним и много раз брались за Шекспира. Предпочтение кого-либо из них я не могу. Мечтаю о том, чтобы были собраны и изданы все иллюстрации к Шекспиру, сделанные московскими художниками.

Работа над сонетами Шекспира в свое время увлекла. В своих сонетах, так же как и в трагедиях, Шекспир касается важнейших нравственных проблем, так что можно сказать: ничто человеческое ему не чуждо. Шекспир в сонетах — весь огонь немеркнущий, вечный. Его искусство бессмертно и всегда современно.

СЕГОДНЯ, когда мир вновь воздает дань уважения и восхищения гармоничному чуду, которое оставил ему Шекспир, как-то особенно трудно понять тот факт, что одно из основных течений в драме Западной Европы и Соединенных Штатов Америки отвергает шекспировскую традицию, отрывается от многообразия театрального опыта, возникшего и расцветшего на основе шекспировского искусства.

Распространение «театра абсурда» в последние десять лет связано с деятельностью ряда писателей, чьи взгляды и приемы далеко не одинаковы. Однако все они в качестве одного из основных своих принципов выдвигают положение, будто прежние формы драмы устарели. Ионеско называет свои пьесы «антипьесами», и такое название в той или иной мере можно отнести ко всей этой школе.

В «театре абсурда», утверждает Мартин Эсслин, «те пьесы, которые так часто презрительно именуется чепухой или мистификацией, несут в себе глубокий смысл и могут стать понятными... Недоумение, которое они вызывают, объясняется в значительной мере тем, что они опираются на новые, еще только складывающиеся сценические условности, не нашедшие пока широкого понимания».

Я согласен с тем, что художественное явление такого масштаба нельзя игнорировать. Чтобы понять, чем являются эти пьесы, их полезно рассмотреть в исторической перспективе, сопоставив с некоторыми пьесами Шекспира, на которого любят ссылаться абсурдисты.

В известной сцене на кладбище Гамлет рассматривает череп:

«Увы, бедный Юрикс! Я знал его, Горацио: человек бесконечно остроумный, чудеснейший выдумщик. Где теперь твои шутки? Твои дурные шутки? Твои песни? Ступай теперь в комнату к какой-нибудь даме и скажи ей, что, если бы даже она накрашилась на целый дюйм, она все равно юнчит таким лицом; посмеши ее этим».

Перед появлением Гамлета два шута-могильщика перебарываются загадочными репликами.

Второй шут. Кто прочнее строит, чем каменщик, судостроитель и плотник?

Первый шут. Да, скажи, и можешь гулять.

Второй шут. А вот могу сказать. Первый шут. Ну, как!

Второй шут. Нет, черт, не могу.

Два основных персонажа «В ожидании Годо» С. Беккет — прямые потомки этих могильщиков. Владимир и Эстрагон ждут таинственного Годо, но не уверены, куда ли он придет и придет ли вообще.

Эстрагон. Мы пришли сюда.

Лос-Анжелос

У В Ы, БЕДНЫЙ ЙОРИК!

Владимир. Нет, ты ошибаешься. Эстрагон. Что мы делали вчера? Владимир. Что мы делали вчера? Эстрагон. Да.

Владимир. Ну... ни в чем нельзя быть уверенным, когда ты рядом. Иного поэты Владимир спрашивает: «Что мы будем делать?» Эстрагон отвечает: «Ждать».

Владимир. Да, но ожидаю? Эстрагон. Может, пока что повесимся?

Шекспировские могильщики слишком жизнеутрачены, слишком привязаны к плотским удовольствиям, чтобы думать о самоубийстве. Но это лишь частность общей разницы: сцена «Гамлета» — напряженная пауза, необыкновенно удачно связанная с тем, что ей предшествует и что за ней следует. Гамлет размышляет о самоубийстве, и минуты, проведенные на кладбище, не смешиваемым эхом повторяют тему «Быть или не быть?».

Беккет выдернул несколько цветных нитей из великолепного ковра шекспировского театра. У Шекспира в центре всегда акт человеческой воли, и людям приходится принимать последствия своих решений. Взаимодействие индивидуальной воли и социальной необходимости придает глубинную и логичность драматического события. «В ожидании Годо» совершенно лишено жизненной силы.

Двое бродяг разговаривают, грызут морковку и курные косточки. Появляются господин и раб, разыгрывают протестную сцену и удаляются. Владимир замечает: «Вот и время прошло незаметно». Эстрагон отвечает: «Оно все равно прошло бы». Годо так и не приходит. В конце концов они вновь начинают рассуждать о самоубийстве. Эстрагон: «Почему бы нам не повеситься?» Владимир: «А на чем?» Эстрагон: «У тебя не найдется веревки?» Владимир: «Нет». Эстрагон: «Значит, ничего не выйдет». Владимир: «Пошли, что ли». Эстрагон: «Погоди, вот мой пояс». Владимир: «Он короткий». Эстрагон: «Ты можешь прицепиться к моим ногам». Владимир: «А кто к моим прицепится?» Эстрагон: «И то правда».

Эсслин утверждает, что это «поэма о времени, об исчезновении без следа и о серьезности существования — парадокс перемен и стабильности, необходимости и абсурда».

Признаюсь, я не понимаю, что значат эти слова, так как не сумел обнаружить в пьесе ничего,

Париж

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ прошло со дня рождения Шекспира. Устарел ли он? Обратимся к фактам. Его играют на всем земном шаре. Герои его драм и комедий стали персонажами всемирной мифологии. Гамлет, Макбет, Отелло, Яго, Лир, Фальстаф, Титания, Пук, Ариэль, Просперо — все они сопутствуют нам в жизни так же, как Дон-Кихот, как Улисс, как Ахилл. Кино, этот новейший вид искусства, тоже стремится взять как можно больше из его творчества. Лоуренс Оливье и Орсон Уэллс нашли в Шекспире своего лучшего сценариста. В СССР Сергей Юткевич снял «Отелло». Во Франции Жан Кокто экранизировал «Ромео и Джульетту». У критиков появились все основания говорить о «нашем современнике Шекспире».

Откуда же эта поразительная, вечная молодость? Прежде всего Шекспир был типичным примером актера-автора. Такая профессиональная комбинация весьма благоприятна для драматурга. О том же свидетельствует и биография Мольера. Оба они — до мозга костей люди сцены — вошли в эту прекрасную профессию через маленькую боковую дверь. Прежде чем стать драматургом, Шекспир был механиком, перепищиком, актером на всех ампулах, переделывал пьесы. Театр — не только писательское ремесло. Это каждодневная борьба, которую вместе с драматургом ведут и актеры, и декораторы, и костюмеры. Добиться полной удачи на этом поприще может только гениальный мастер. Очень хорошей, если не единственной школой для него является переделка старых пьес. Мольер подражал Плавту, который в свою очередь вдохновлялся Мэнандром. Шекспир работает над текстами Марло. Подражая, он превосходит. Пройдя сквозь бесчисленные суровые испытания, он проникается изумительным ощущением театра, и только благодаря этому ощущению сегодня, как и встарь, он безраздельно владеет сердцами и умами зрителей.

Однажды Луи Жуве сказал мне: «Не доискивайтесь, кто — я такой... Я просто не могу быть кем-то, иначе как же я стал бы актером?» Шекспир подобен Протею, существу, наделенному поразительным даром преображаться то в девственницу (Офелия), то в безумца (Лир), то в мятежника (Кориолян), то в убийцу (Брут), то во влюбленного (Ромео). И все это предельно правдоподобно, ибо он сам способен испытывать любые страсти. Он жил в век великих приключений и авантур. Он родился в одном из самых поэтических городов мира. Очарование арденского леса, усеянного весенними цветами. Берега Эвона, окаймленные плакучими ивами и тополями. Бархатная зелень газонов делала Стратфорд по-особенному красивым. Прибавьте к этому радостный, веселый дух

связанного с временем, или исчезновением без следа, или с переменами, или со стабильностью, или с необходимостью.

Это «Гамлет», из которого выкинут Гамлет. Бурные водопады чувств, вырывающиеся из шекспировских пьес, тут сведены к жиденькой струйке липкого пессимизма. Увы, бедный Юрикс! Его пустой череп стал у абсурдистов символом отрицания рассудка и жизни, отрицания брызжущего жизнелюбием шекспировского карнавала.

Несомненно, сторонниками «театра абсурда» движет горькое неприятие буржуазного общества, но они отождествляют этот определенный этап исторического развития с судьбами человечества. Поэтому их пьесы настолько «хиреют под налетом мысли бледной», «теряют имя действительности».

«В ожидании Годо» — одно из ранних и наиболее влиятельных произведений этого толка. Тема ожидания чего-то была повторена в бесчисленном множестве пьес, как повторялись и ее драматургические приемы.

Чтобы подчеркнуть невозможность общения между людьми, в ход вновь и вновь пускается абсурдная загадка. Например, в «Праздновании дня рождения» англичанина Харолда Пинтера задается вопрос: «Почему цыпленок перебежал через дорогу?» «Он хотел... он хотел... что было раньше?.. Цыпленок? Яйцо? Что было раньше?»

Бессмысленность ожидания того, что никогда не происходит, — потому что ничто не может произойти, пока смерть не оборвет агонию жизни, — воплощается в обстановке действия: пустырь, дорога, которая нигде не ведет, комната, из которой «нет выхода».

Пинтер замечает, что его персонажи «боятся того, что находится вне стен комнаты. Там находится надвигающийся на них мир — пугающий мир. Я уверен, что он внушает страх и вам, и мне».

«В ящике с песком» Э. Элба на сцену выносят старуху и кладут ее в ящик с песком, вручив ей детский совок и ведро. Старуха сгребает совком на себя песок, пока не оказывается наполовину погребенной. Над ней склоняется юноша и говорит ей: «Я — ангел смерти».

Для Шекспира сцена — весь мир. Для «театра абсурда» сцена сводится к ящику величайшей чужды побольше гроба, в котором персонажи в бездействии ожидают свершения своей судьбы, не протестуя, равнодушно.

Джон Говард ЛОУСОН, американский драматург

тальной поэтики основан на быстром движении, на быстрой смене кадров. Но разве не то же самое видим мы у Шекспира? Через сцену проходит целые армии. Отблеск молнии скользит по колчуге воина... Влюбленные мечутся по лесу, ищут друг друга. Вот они едва не столкнулись, вот, наконец, встретились. Показать все это на театре не так-то легко, а для кино движение и действие — самая его суть.

Сергей Юткевич сказал, что некоторые реплики Отелло специально написаны для крупного плана, когда должно быть видно только лицо мавра, только слеза, стонающая по смуглой, обветренной щеке. Вообще говоря, поэзия не любит слишком громоздких композиционных построений. А вот Шекспир, тот «строит» без всяких предосторожностей. «Все его произведения сделаны из каких-то осколков», — пишет философ Ален.— Тут нога, там руна, вдруг какой-то невеста откуда-то ввалившийся мертвец, не связанный ни с кем и ни с чем. Но все это реально, и человек — будь то привратник или сам кесарь — в сплехе и рядом раскрывается в таких подробностях. Их вполне достаточно».

И вот что всего удивительнее: этого автора, универсально почтаемого и признанного величайшим из драматургов, лишь мало кто из его поклонников знает по настоящему, до конца. Помню красот, очевидных всякому, в его текстах много куда более чудесного, но раскрывается это только при чтении оригинала.

Шекспир — самый великий английский поэт. Лучше, чем всем, ему удалось добиться непостижимого соответствия музыки стиха его смыслу. Никакой перевод не может дать даже отдаленного представления об этом... Для перевода, действительно достойного Шекспира, нужен второй Шекспир. И если, несмотря на неизбежное обеднение, тексты переводов все-таки звучат возвышенно, то это лишний раз свидетельствует о неисчерпаемом богатстве оригинала. Сколько шекспировских изречений прочно вошло в язык мира! «И в небе и в земле скрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио». Прожив четыреста лет, эти фрагменты из самой благородной в мире поэзии не лишились своей первоначальной красоты. Волшебная палочка Просперо не утратила своей магической силы, вопреки всем препятствиям, вопреки векам, Ариэль победил Калибана.

Вот почему Шекспир не может устареть.

Андрэ МОРУА, французский писатель

Жизнь — это только театр, комедиянт, Паисачивый полчас на сцене и тут же позабытый; Которую переказал это повесть, В ней много слова и страсти, нет лишь смысла.

Какой Камю, какой Сартр говорили так поэтично об абсурдности мира?

И как же он выходит из этого кризиса? Так же, как и Достоевский, — через ужас, доведенный до гиперболы. Шекспир потрясен бездной злобы и низости, разразающейся перед ним, но вместе с тем обнаруживает в людях неведомые ему величие и волю. Вот почему за страшным «Тимоном Афинским» следует «Буря» — провозвестница душевного спокойствия. Шекспир возвращается в Стратфорд. Снова он видит цветы, слышит щебетание птиц. К чему весь этот гнев, вся эта неприязнь? Разве наша жизнь не соткана из одних лишь мечтаний? Так отбросим же страхи. Ведь даже чудовища, что

преследуют нас, и те примерещились нам. Что ж, и для кудесника пришло время уйти на покой. Просперо ломает свою волшебную палочку. Больше Шекспир писать не будет... Спектакль окончен! Наши актеры были лишь некими колдовскими тенями, вот они уже исчезают, растворяются в воздухе.

Так сложилась судьба Вильяма Шекспира... Такова судьба всякого человека, способного глубоко чувствовать.

Но вот еще один довод в пользу того, что Шекспир не может устареть. Ему были ведомы все возрасты человека, все его страсти. В шекспировских персонажах каждый из нас узнает себя. Ведь живет и страдает сейчас, в эту самую минуту, множество гамлетов — студентов университетов Виттенберга, Оксфорда, Парижа, Москвы, всего мира. Както Поль Клодель заметил Жану-Луи Варро, что знаменитый монолог «Быть или не быть» следовало бы произносить перед бутылкой виски и сифоном с содовой водой. Каждый вечер Отелло убивает Дездемону, и первые страницы наших газет обгагрены пятнами крови. Я видел короля Лира и его жестоких дочерей во многих буржуазных семьях Франции. И где-то неизменно присутствовала крохотка Корделия.

Все нынешние литературные школы признают в Шекспире прародителя... нет, современника!

Кого больше, чем Гамлета, терзают экзистенциалистские страхи? Кто, кроме Шекспира, умел с такой несравненной смелостью обрывать философические монологи своих героев? Наши самые новейшие драматурги лучше огня боятся реализма и показывают на сцене только какие-то знаки и символы. Вспомните сцену из «Сна в летнюю ночь», когда сельские комедiantы договариваются, что один из них будет лунной, другой — стеной и что влюбленные должны переговариваться через «цель» между пальцами. Какой режиссер театра «новой волны» не стал бы гордиться такой находкой!

Марксисты прощают Шекспире защиту тиорского абсолютизма, как прощают Вальзугу защиту трона и алтара, ибо оба великих писателя дали достоверную картину взаимодействия общественных сил своего времени. И потом, как это Шекспир может устареть, если самое молодое из изящных искусств, а именно искусство кино, черпает в его творчестве самый что ни на есть лучший материал для сценариев? Почему это так? Для того, что самый пафос кино и его удив-